Искушение сюрреализмом

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ О «СИМЕОНЕ СТОЛПНИКЕ» ЛУИСА БУНЮЭЛЯ

AFP

В СЕРЕДИНЕ 1960-х в мировом кино случилась своего рода «вспышка на Солнце»: один за другим ведущие режиссеры высказались о религии и вере. В июле 1964 года вышел на экраны барочный «Бог и дьявол на земле Солнца» бразильского революционера Глаубера Роши. В октябре 1964 года в Венеции показали по-крестьянски суровое «Евангелие от Матфея» Пазолини. В ноябре 1965 года Тарковский начал съемки «Андрея Рублева». После каннской премьеры в мае 1966 года запретили за оскорбление чувств верующих «Монахиню» Жака Риветта по мотивам Дидро. В апогее этого иконоборческого богоискательства — в октябре 1965 года — вышел 42-минутный «Симеон Столпник», «документальный фильм об отшельнике V века», по словам Луиса Бунюэля. Старый сюрреалист, анархо-коммунист и кощунник тогда еще не выбрался окончательно из мексиканского изгнания. В Мексике достать операторский кран было уже чудом, а «многосотенную толпу» из 80 статистов отодвигали подальше от камеры, чтобы никто не удивился: откуда это в сирийской пустыне взялись индейцы. Но привычная нищета лишь раззадоривала гения: фильм своенравен и загадочен. Атеизм Бунюэля — не враг его фантазии, столь сюрреалистической, что ее легко принять за мистицизм. Попутно старик, похоже, посмеялся над сценой исцеления прокаженного у Пазолини: в «Симеоне» у одного из персонажей отрастают отрубленные за воровство руки, и это похоже на ярмарочный фокус, не вызывает никаких эмоций у окружающих: в V веке чудо — дело житейское. Насмешка над попыткой соединить марксизм с христианством, что позже назовут «теологией освобождения» (а Пазолини добавил к этому коктейлю еще и свою гомосексуальность) — попытка монаха объяснить Симеону, что такое частная собственность, сулящая миру многие беды. Походя, одним планом — крупный план руки, разгоняющей муравьев,— Бунюэль цитировал-пародировал собственного «Андалузского пса» (1928), где муравьи выползали из дырки в ладони. Длиннобородый Симеон (Клаудио Брук), обрекший себя на стояние на столпе — колонне, подаренной богобоязненными богачами,— ликом страшен, но наивен и добр. Благословляет сверчка, облако, задумывается, «кого бы еще благословить». Спохватывается, что богохульствует, но оправдывается перед богом: «Это же меня развлекает, и никого не обижает». Раз за разом, под рокот барабанов, записанных на Страстной неделе в Арагоне, Симеона является искушать дьявол (Сильвия Пиналь). Они, в принципе, говорят на одном языке: дьявол верит в бога, как никто, поскольку знает, что тот существует, и не прочь бы помириться с ним, если ему вернут прежние привилегии. Но не примирится в силу своего дьявольского упрямства: «Не изойду!» Дьявол — скандалист, ругатель, фантазер, художник, чем и симпатичен Бунюэлю. Наверное, ему так же скучно и одиноко, как Симеону на его верхотуре. Дьявол — то играющая с обручем «лолита» в матроске и чулках шлюхи, нежно расчесывающая Симеону бороду, дразнящая его змеиным языком. То — бьющийся в корчах послушник. То — Добрый Пастырь с овечкой на плечах — ожившее изображение Христа из усыпальницы Галлы Плацидии в Равенне,— выбивающий, когда его разоблачат, агнца из кадра профессиональным ударом футболиста. То дева в самоходном гробу. И было бы это сюрреалистическим озорством, если бы не финал, в котором дьявол, приведя в порядок бороду и космы Симеона, переносит его в нью-йоркский клуб, подвергая искушению шейком, тем более пугающему, что его смысл темен, как пророчества Иоанна Богослова.

Simon del desierto, 1965

АТЕИЗМ БУНЮЭЛЯ — НЕ ВРАГ ЕГО ФАНТАЗИИ, СТОЛЬ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ, ЧТО ЕЕ ЛЕГКО ПРИНЯТЬ ЗА МИСТИЦИЗМ